

ПОВТОРЯЯСЬ

АЛЕНСАНДРА БАШЛЫНОВА
Родилась в Москве. Получила высшее образование Cinema Studies в NYU Tisch (США), а также дополнительное образование через курсы в Filmmaking, МШН и в школе прозы «Глагол». На данный момент пишет и консультирует сценарии в Москве.

Люби ближнего, не убий и не покалечь, и я приду к тебе, и я буду с тобой.

Когда вчера рожденный агнец впервые в страхе закрывает глаза перед ночным сном и над домами оседает туман, Ирит перекачивается на спину на мокрой земле, поджав руки к груди. В животе неприятно хлюпает рана. Сейчас, если бы Ханс не купил ружье, она бы бегло приветствовала мать на кухне, где та провела вот уже двадцать лет в ежедневном труде, а затем бы скрылась в столь ожидаемой тишине собственной кровати. Но он все же купил ружье, и вместо деревянного потолка над ее головой – небо, в котором машут кронами деревья, а вместо одеяла – обволакивающая парализующая боль. Вот черт – и наконец-то, Господи! От отца Ирит досталась армейская привычка легко засыпать, досчитав до десяти минут, и так же непринужденно исчезать – хорошо, что к своим восемнадцати годам она, наперекор ему, научилась не использовать их порознь. Перед ней мелькают лица соседских ребят. Осталось восемь минут – Ирит замедляет дыхание и представляет, как ее голени тают, а за ними и бедра, и злосчастный живот.

– И что нам, мать твою, теперь делать?!

Пять – она растворяется в тьме и тишине, так и не расслышав ответа. Три – из всех людей Ирит и правда была не против уснуть. Два – наконец она забывает о счете и оказывается в Нигде – ее ждет

родной голос, напоследок повторяя: «Люби ближнего, не убий и не покалечь, и я приду к тебе, и я буду с тобой» – ежедневная молитва.

Так говорила ее мать в светлые дни, которые ненароком прокрадывались в особо сложные месяцы беременности, затем эти слова, постепенно отделившись вместе с ребенком от ее тела, пришли и к Ирит. Жизнь в деревне мало напоминала Ирит реальность: красочные сны со сладкими обещаниями легко заменили внешний мир, и время, проведенное в мечтаниях, не хотелось тратить на что-то еще. Утрами она неохотно просыпалась, но бодрилась и отправлялась помогать брату в хлеву, чистила его от коров, коров от коров, коров от хлева, разносила молоко, хотя это сложно было назвать настоящими заказами, так, порой получала по монетке, пока без цели шла до самого дальнего дома главной улицы, а потом отдавала часть денег детям или старикам. День переставал волновать ее, как только на пороге появлялись ребята ее возраста и начинали балагурить о вещах, которые ее совершенно не интересовали. Томящиеся от отсутствия работы и целей, многие не сильно выросли, менялась лишь мера их воздействия на мир. Так из мальчишек, кидающихся камнями в пруд, они вырастали в юношей, покупавших ружья, и звали пострелять в деревья.

Ирит старательно отказывалась, выбирая заботу о семье. Она любила – любовью, о которой не учат

говорить. Ее любовь выражалась в нежных похлопываниях по спине младшего брата, хотя его уже сложно было назвать младшим: он вымахал в плечах за несколько лет, как только его голос сломался. Любила она и мать, несмотря на ее длительную безучастность. Порой Ирит ловила себя на мысли, что любит и отца, хотя совершенно его не помнила, – как может человек любить кого-то, кого не знает? Бездумно и безусловно. Только так и может. В этом они с братом начали разниться: в его сердце прокралась обида, и он уже не был уверен, что любви к отцу хватит, чтобы выбраться из оврага ненависти. Этот другой, незнакомый Ирит путь, Бен прошел совершенно один. Ему не шептали на ухо заповеди Творца, и он их отвергал; юность не позволяла ему оглядываться назад и думать о настоящем: пока Ирит снились сны, Бен грезил о будущем, до которого рукой подать – лишь выехать из их поселка, но он тут же стыдился, ведь тогда он будет не лучше своего отца. Время шло, и каждый раз Бен оставался.

Когда Бен начал пропадать с Хансом до ночи, Ирит даже носом не повела. Их детские игры на заднем дворе нередко перерастали в нелепые драки, и она бросалась разнимать мальчишек, как только могла. Но ее попытки не приносили никаких плодов. Ханс и Бен расходились мирно, довольно жуя домашние пирожки, а Ирит закрывалась в своей комнате и ревела: нельзя защитить того, кого любишь, не покалечив, и потому нельзя защитить совсем.

Чем старше Бен становился, тем смиреннее к его выходкам относилась Ирит, начиная походить на мать, – пока Ханс не купил ружье и не пригласил Бена пострелять в птиц.

– Ты сошел с ума! Как ты можешь так спокойно говорить об убийстве?

– А ты? Лицемерно помогаешь маме готовить суп из теленка, которого я заколол! Это не убийство? У всех нас руки в крови, просто ты выбираешь этого не видеть. Не ты же заносишь топор.

Ноздри Ирит вздулись, все ее лицо побагровело. Бен давно не видел сестру такой – и инстинктивно сделал шаг назад, все еще скрепя руки.

– Есть разница между убийством по нужде и убийством по прихоти, Бен.

Ирит сделала пару вдохов и выдохов, пытаясь усмирить свой гнев.

– Для тебя.

– Для каждого человека. Зачем забирать жизнь, которую можно оставить? Мы же не убиваем всех кур.

– Они несут яйца.

80

– Куропатки тоже – они важны для чего-то.

Бен поджал губы. Спорить уже не хотелось. Они помолчали.

– Я обещал пойти.

– Так иди, но не стреляй.

– Меня сочтут слабаком.

Есть моменты, когда ты еще не осознаешь, что делаешь выбор. Бен не осознавал, что сделал свой, впустив во двор Ханса и увидев в нем кумира. Ханс не пресмыкался перед своим отцом. Ханс давал сдачи. Его уважали. Бену не хватало этого – любви, которую, как он думал, он ощутит, если станет таким же, как Ханс. Не осознавала и Ирит – она многое не осознавала тогда.

– Хочешь, я пойду с тобой? Скажешь, что я боюсь выстрелов.

Ирит пошла с ним. Бен сказал, что она боится выстрелов. Ханс, для которого любовь значила пройти через страх и выйти победителем, твердо протянул ей свое ружье.

– Стреляй.

Двое других ребят из компании Ханса переглянулись с усмешкой. Ирит не шелохнулась. Железо и дерево в руке весили почти как поросенок. Она не верила, что он всерьез, а для Ханса это было даже еще не началом.

– Стреляй.

Он повторил, как будто она не услышала его грузный голос. Бен замешкался, попытался вступить, но Ханс остановил его, забрав из рук другого мальчишки ружье постарее. Он поднял ствол, прищурился и нажал на курок. Его плечо, как и весь мир, вздрогнуло и задребезжало от громкого полета пули, затем наступила тишина – словно ничего и не произошло. Ирит впервые наблюдала за выстрелом, и он ужаснул ее своей быстротой и безответственностью – опасность, последствия которой невозможно было увидеть.

– Вот так. – Ханс расслабился и потерял свою куртку в том месте, где его ударил приклад. – Теперь ты. Стреляй.

– Я не буду. Это глупо.

Бен попытался встрять между ними еще раз. Мямлил, объяснял, хотя ответ ее был тверд и понятен. Ханс даже не смотрел на него. Поднял ружье. Нацелился на нее. Бен замер. Ирит замерла. Лес замер. Ханс повторил приказ. Губы Ирит дрожали, и ружье казалось простым поленом. Она на секунду приподняла цевье и прицелилась, но голос – голос говорил громче: не покалечь, не убий, люби, Ирит, люби. Эта заповедь оставляла ее беззащитной.

– К черту!

Как можно было полюбить монстра? Ирит с размаху бросила ружье, то звонко ударилось о дерево и отскочило в канаву. Мальчики гурьбой бросились врассыпную, кроме Ханса и Бена. Измазанное грязью железо больше не выглядело смертельным. Ханс молча опустил к своему сокровищу и поднял его, осматривая погнувшийся ствол. Его руки побелели, Ханс встал и шагнул вперед, угрожающе занеся приклад для удара, но Бен дернулся первым и схватился за ружье в руках друга, пытаясь отобрать.

– Я убью ее, я убью ее, отпусти, я так долго копил на него, Бен!

Бен не отпускал, Ханс треснул его в нос лбом. Они упали на землю, барахтаясь, и уже не было понятно, кто держит оружие, а кто застрял в этом опасном объятии. Люби, не покалечь, люби, не покалечь... Не справилась. Ирит проскользнула к ним, выцарапывая то Бена, то Ханса. Кто-то истошно взвизгнул. Ей в живот уперлось дуло.

Выстрел.

Один. Ты спишь.

– Мое дитя, – голос впервые назвал Ирит своей.

Дремлющее до этого момента желание принадлежать очнулось и выросло до звезды, вокруг которой вращается внутренняя вселенная. Необъятная бездна – одиночество, пороком вступившее в человеческий разум вместе с первой разумной мыслью, исчезло. Смерть – теперь она была в ней уверена – оказалась не такой страшной. Ирит стояла в темноте и свете всего, что знала, и смотрела на облик, который всегда представляла, но не помнила. Он улынулся ей и наконец сказал то, чего Ирит ждала столько лет:

– Ты пришла.

Бен выехал из поселка на первой гужевой повозке. Челюсть свело спазмом непрекращавшейся дрожи. На улице было холодно. Бен этого не замечал. Силы его инстинкта выживания хватило лишь на то, чтобы сесть на деревянный пол и отдать монетку. Старик хмыкнул и не стал ничего спрашивать: молodeжь всегда уезжала, если не хотела повторить участь своих родителей.

Ханс вернулся домой, тихо закрыл дверь. Светало, лучи, оттолкнувшись от полупустой бутылки самогона, растеклись в коридоре. Он презрительно прошел мимо спавших в гостиной родителей. Остановился. Сделал шаг назад и подошел к дивану, взглянул в опухшее лицо мамы. Новый синяк укрепился на ее скуле. В груди зародился плач. Как никогда ему хотелось оказаться в другом, волшебном мире и там забраться на руки к матери, прижаться к ее мягкому телу, звонко заревев. Она бы гладила его

и не вздрогнула от страха, когда открыл бы глаза отец. Обнял бы он Ханса? Здесь же два спящих человека, отдаленно похожих на его родителей, пьяно сопели. Ханс поднял бутылку и сделал глоток. Спирт прошелся по небу и горлу – верить в любовь, которой он не знал, снова не хотелось.

К утру проснулась мать Ирит и Бена. Зевая, она прошла по дому, взяла миску и насыпала в нее зерна. Куры были не кормлены, хлев тоже стоял нечищенный. Она огляделась. Их не было. Ей оставалось только одно – ждать, как она ждала всю свою жизнь.

Через много лет одной ночью на свет пришло дитя. Когда оно уgomонило свой первый крик и загнуло, неспособное еще отличить лик матери от чужого, Бен склонился над колыбелью и прошептал слова, известные ему от сестры с детства, но не много другие – его собственные: «Люби ближнего, не убий и не покалечь, я буду рядом».

